

Библиография

- Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 7. Д. 60 (1865).
Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 86 (Фонд В.И. Григоровича). Папка 4. № 40; папка 5. № 87.
Афанасьев Г.Е. Воспоминания о Викторе Ивановиче Григоровиче // Новороссийский университет в воспоминаниях современников. Одесса, 1999.
Григорович В.И. Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.
Григорович В.И. Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и в болгарских народных училищах в Бессарабии, представленные попечителю округа // Григорович В.И. Собрание сочинений. Одесса, 1916. С. 118–145.
Григорович В.И. Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета Григоровича // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Часть LIV. № 6. Отд. IV. С. 27–40.
Григорович В.И. Памятники XV столетия. Два письма, Стефана Воеводы Молдовляхийского и Дорофея, Архиепископа первой Иустинианы, т.е. Охридского // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 5. Смесь. С. 34–36.
Григорович В.И. Что значит Росохлахия в греческих документах // Григорович В.И. Собрание сочинений. Одесса, 1916. С. 356–357.
Протоколы заседаний совета императорского Новороссийского университета. 1873, 28 марта; 30 мая; 1874, 2 марта.
Успенский Ф.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Вып. 1. Одесса, 1890. С. 15–52.
Дьомин О.Б. В.И. Григорович та розвиток освіти болгар Півдня України // Наша школа. № 2-3. Одеса, 1999. С. 147–149.
Сергеев А.В. В.И. Григорович как историк славян. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1966.

Дёмин Олег Борисович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина; novitnya@rambler.ru

MOLDAVIA AND ROMANIA IN ACTIVITY OF THE RUSSIAN SLAVIST V.I. GRIGOROVYCH

The paper is to analyze the place and role of Moldova, Wallachia and Romania in the life and scientific heritage of V.I. Grigorovich as one of the founders of Russian Slavistics. He emphasizes their importance in the history of the Black Sea Region.

Key words: V.I. Grigorovich, Moldova, Wallachia, Romania, the Black Sea Region.

Dyomin Oleg Borisovich, Doctor of History, head of the Department of Modern and Contemporary History, I.I. Mechnikov Odessa National University, Odessa, Ukraine; novitnya@rambler.ru

УДК 94(437):929”14”

Гимадеев Т.В.

В.И. ГРИГОРОВИЧ О ДВИЖЕНИИ ГУСИТОВ

Рассмотрены взгляды В.И. Григоровича на гуситское движение. Показано, что историк изучал гуситство в контекст истории славянских литератур. Полагая гуситский этап в истории Чехии важным для развития литературы западного славянства, доказывал, что он предвосхитил её расцвет в XV–XVI вв., что, в свою очередь, придало гуситскому движению всеславянское значение. В.И. Григорович опирался на труды деятелей чешского национального возрождения и расходился в своих воззрениях на движение гуситов с русскими историками-славянофилами.

Ключевые слова: В.И. Григорович, Чехия, гуситское движение, история славянских литератур, чешская литература, славяноведение.

В.И. Григорович известен главным образом как исследователь истории южного славянства. Однако, в работах, связанных с историей славянских народов в целом, ученый уделит внимание и другим вопросам исторического славяноведения. Так, он обратился и к тематике гуситского движения в Чехии XV в. — к одному из важнейших сюжетов не только в истории Чехии, но и всего славянства, всей Центральной Европы.

Весьма интересным представляется то, что к гуситской истории Григорович наиболее активно обращался именно в казанский период своей научной деятельности, в начале 40-х гг. XIX в. когда молодой учёный занял в Казанском университете кафедру истории и литературы славянских наречий.

Историю гуситства Григорович рассматривал в контексте истории литературы всех славянских народов, что предопределило некоторые особенности его исследовательского подхода. Крупнейший специалист по русской историографии гуситского движения Л.П. Лаптева отмечает «чуждость» Григоровича более поздним авторам из круга московских славянофилов, последователям О.М. Бодянского, которые занялись активной разработкой вопросов истории гуситского движения в конце 1840-х гг. и полагает, что его позиция была ближе к позиции чешских историков этого периода. Однако историограф весьма осторожен в вопросе о знакомстве Григоровича с их трудами до поездки по славянским странам 1844–1847 гг. и лишь «предполагает», что это возможно, а также считает, что труд Григоровича был своеобраз-

ным «противовесом» работам немецко-классических историков¹. В этом свете и вызывают интерес труды Григоровича, в которых он так или иначе охватывает круг вопросов, связанных с историей гуситского движения.

Первой его работой, в которой Григорович писал о гуситах, стало «Краткое обозрение славянских литератур», изданное в 1841 г. в «Учёных записках Казанского университета». В нём Григорович рассматривал историю всех славянских литератур в период IX–XVIII вв. Работа Григоровича подразделяется на две части – на историю литератур славян «восточных и западных», где критерием для разделения выступало вероисповедание – православное или католическое соответственно, через религию же греческое или романо-германское культурное влияние и «определило в начале весь характер просвещения славян»².

Главным событием в истории западнославянских народов он считал принятие христианства с Запада, которое и послужило причиной всех «счастливых и бедственных событий» в их истории. Западная церковь, католическая иерархия, соседство со Священной Римской империей, влияние латинской обрядности и письменности на развитие литературы славян, принявших католичество, — все эти факторы стали решающими для истории культур славян запада³.

Чешскую литературу Григорович выделял из числа прочих литератур западных славян как наиболее развитую, отмечая, что чехи «рано стали обрабатывать своё родное наречие», возводя самые ранние произведения на чешском языке ещё к X в.⁴ Однако, начало действительно интенсивного развития чешской литературы Григорович датировал XIII–XIV веками. Важнейшим событием в чешской интеллектуальной жизни этого периода он полагал основание Пражского университета, вслед за которым последовало развитие «скептически-сатирического» направления в чешской литературе, направленного на обличение процессов разложения, злоупотреблений в католической церкви. «Во всей чешской поэзии XIV века видно какое-то негодование, которое вскоре должно было вспыхнуть вулканическим взрывом гуситских войн» — заключает Григорович⁵.

¹ Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 21–23.

² Григорович В.И. Краткое обозрение славянских литератур // Учёные записки Казанского университета. 1841. Кн. 1. С. 93.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 116–117.

Не рассматривая непосредственно историю деятельности Яна Гуса и событий гуситских войн, видя их частью всеобщей истории, а не истории словестности, на литературном и культурном аспектах гуситского движения Григорович остановился достаточно подробно, не забывая об историческом контексте. Он полагал, что, хотя учение Уиклифа и повлияло на Гуса, но в целом «появление Гуса и его учения случилось не от случайных причин», но напротив, Гус и гуситы были выразителями «духа времени», духа перемен и свободомыслия. Литература же позволяла взглянуть на всю историю того времени, на его «дух», и именно чешская богословская литература и стала «зерцалом, где отражались все политические смуты»¹.

Ключевой проблемой, которую решали гуситские литераторы, была, по его мнению, «потребность иметь на отечественном языке исправленный текст Священного Писания»; на этом поприще работал и сам Гус. Получив национальную Библию, чехи продолжили «совершенствование языка» через ознакомление с трудами отцов церкви, агиографической литературой. Процессу немало способствовали и богословские споры, в которой чешские богословы противоборствующих школ опирались на различные сочинения, трактаты, на Священное Писание и Священное Предание. В богословских спорах не только сталкивались разные точки зрения на вопросы веры, обсуждался и более широкий круг вопросов, связанный с вопросами политики и устройства общества. Именно в этих трудах и происходило становление чешской национальной литературы.

Однако же Григорович критически воспринимал развитие светской литературы гуситской эпохи, полагая, что в духовных и военных гимнах этого времени отражались лишь «брань и несогласия», а сами они были направлены на «раздражение взаимной ненависти». Так продолжалось вплоть до правления Йиржи из Подебрад, который сумел восстановить мир в стране. Гимном этой эпохи он видел стихотворение его сына, Хинека, его «Майский сон», который отразил стремление чехов к мирной и спокойной жизни после затяжной эпохи кровопролитных войн².

Значение гуситской литературы Григорович не ограничивал одной лишь Чехией. «Новые понятия о вере, распространённые Гусом, сильно подействовали на умы поляков» — утверждал он, констатируя, что всё развитие польской литературы в XV в. было лишь своеобразным отголоском гуситской эпохи: богословские

¹ Там же. С. 118.

² Там же. С. 120.

диспуты в Краковском университете повторяли пражские, вслед за чехами поляки переводят Библию, польские поэты, такие как Андрей Галка, всячески защищают от нападок учение Уиклифа. «Гуситизм в Польше, как и в Богемии, имел большое участие в развитии любви к отечественному языку» — подытоживает Григорович¹.

Значение гуситской литературы не ограничивалось и эпохой XV в. Освободившаяся от авторитета католической церкви и немецкого влияния чешская литература переживает подлинный расцвет в XVI в., когда спал уже «фанатизм прошлого столетия». В атмосфере веротерпимости начинается «золотой век» западнославянского просвещения. В оценке этой эпохи Григорович заходил столь далеко, что даже заявлял, что словесность западных славян в эту эпоху достигает уровня развития литературы Франции эпохи Просвещения². Но этот золотой век едва ли был бы возможным, если бы не кровопролитные битвы за свободу и жаркие диспуты в стенах Пражского университета. Гуситское движение подготовило расцвет литературы всех западных славян в XVI—XVII в., оборванный Белогорской битвой, и в этом его значимость для истории.

В магистерской диссертации 1843 г. на тему «Опыт изложения литературы словен в её главнейших эпохах» Григорович, в целом, стоит на той же позиции. Он полагает XV—XVII вв. единой эпохой противостояния католицизму во всех славянских литературах, восточных и западных, временем освобождения славянской словесности, утверждения через «религиозные споры» преимущества «чешского языка перед латинским и немецким», национальной самобытности, «если не в политическом, то по крайней мере в литературном смысле». Гуситская эпоха переводов Библии и религиозных диспутов, подготовила XVI в. — эпоху обогащения чешской литературы трудами античных и средневековых авторов, которые воздействовали на умы чешских литераторов³. Кроме того, Григорович был склонен понимать развитие славянских литератур как единый процесс, трактуя его в ключе «славянской взаимности», чехи же играли в этом процессе выдающуюся роль⁴. Эта трактовка легко объясняется кругом литературы, на которую Григорович и опирался: в списке использо-

ванной им литературы можно увидеть труды Ганки¹, Добровского, Шафарика, Коллара, ранние работы Палацкого² (но ещё не III том «Истории Чехии», вышедший позже). Этим и объясняется позиция Григоровича, рассматривавшего славянские литературы как составные части некоего панславистского целого и уделявшего особое внимание чешской литературе; он и опирался, в основном, на труды деятелей чешского национального возрождения. Этим же объясняются отличия его воззрений от взглядов русских славянофилов.

В общеисторическом плане Григорович говорит о гуситах уже в одесский период, в своей публичной речи, посвящённой Яну Амосу Коменскому³. Здесь он уже утверждал, что гуситское движение было борьбой славянства «против разрушительного папизма и ему вассального феодализма» за свободу чешского образа жизни, за «своё бытовое начало — общину». Прямых противоречий точке зрения, изложенной в его более ранних трудах, здесь не отмечается, но позиция Григоровича, очевидно, была скорректирована как под влиянием трудов Палацкого и более поздних русских авторов, так и под влиянием исторических обстоятельств, перевернувших ситуацию не только в славяноведении и исторической науке, но и в жизни всего общества. Тему противостояния немцам актуализировали такие события, как франко-прусская война, вызвавшая опасения усиления объединённой под прусским руководством Германии, и неудачный для австрийских славян австро-венгерский компромисс.

В целом же Григорович в своих трудах изложил особый, редкий для русской историографии взгляд на историю гуситского движения. Восприняв теории чешских историков и филологов первой половины XIX в., Григорович избежал соприкосновения со славянофильскими концепциями русских историков — в его трудах нельзя увидеть положений о некой «кирилло-мефодиевской традиции» и её значимости в истории Чехии и гуситства, напротив, всё развитие чешской литературы было детерминировано именно принятием католичества. При этом он оставался под влиянием панславистских концепций, теории «славянской взаимности». Тем и ценны труды Григоровича для русской гуситологии — он был одним из немногих в русской исторической славистике, кто, не восприняв славянофильские крайности, не

¹ Там же. С. 121–122.

² Там же. С. 126–127.

³ Григорович В.И. Опыт изложения литератур словен в её главнейших эпохах. Казань, 1843. С. 16–17.

⁴ См.: Лаптева Л.П. Указ. соч. С. 22.

¹ Григорович В. И. Указ. соч. С. 27.

² Там же. С. 117.

³ Григорович В.И. Ян Амос Коменский — славянский педагог-реалист XVII столетия // Григорович В.И. Собрание сочинений. Одесса, 1916. С. 220–238.

был и западником. К сожалению, Григорович не продолжил свои исследования на данном поприще. Инициативу перехватили уже ученики Бодянского, сформулировавшие к концу 1840-х годов славянофильскую концепцию гуситского движения. Но Григорович одним из первых поднял вопросы гуситской истории в русской историографии, пусть и с литературоведческих позиций. Ещё более замечательно и необычно, что сделал он это в Казани, не в столичном городе и не в старом университете на западе страны, доказав своим примером, что историческое славяноведение может успешно развиваться и вне столиц.

Библиография

- Григорович В.И. Краткое обозрение славянских литератур // Учёные записки Казанского университета. 1841. Кн. 1. С. 93–153.
- Григорович В.И. Опыт изложения литератур словен в её главнейших эпохах. Казань, 1843. 111 с.
- Григорович В.И. Ян Амос Коменский — славянский педагог-реалист XVII столетия // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864–1876) / под. ред. М.Г. Попруженко. Одесса, 1916. С. 220–238.
- Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 340 с.

Гимадеев Тимур Владимирович, магистрант кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань; daigodumu@yandex.ru

V.I. GRIGOROVICH ABOUT THE HUSSITE MOVEMENT

This article is to analyse V. I. Grigorovich's view of the Hussite movement. It was found that Grigorovich treated the Hussitism as a part of the history of Slavic literatures. Hence, considering the Hussite epoch in Czech history an important stage in historical development of Western Slavic literatures and it predetermined 'the Golden Age' of these literatures. He also have been convinced that the Hussite movement was one of the decisive events in the pan-Slavic history. However, Grigorovich wasn't agreed with Slavofilic historians from Russia. It seems like he was closer to the ideas of Czech national revival authors as he studied their main works.

Key words: В.И. Григорович, Чехия, гуситское движение, история славянских литератур, чешская литература, славяноведение.

Gimadeev Timur Vladimirovich, MA student, Department of the World History, Institute of International Relations, History, and Oriental Studies, Kazan Federal University, Kazan; daigodumu@yandex.ru

Раздел 2

ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В.И. ГРИГОРОВИЧА

УДК 94(470)”18”

Иващенко В.Ю., Посохов С.И.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ УЧЕНЫХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассматривается процесс становления практики заграничных научных «стажировок» в Харьковском университете в первой половине XIX в., в частности, механизмы организации научных командировок молодых ученых и профессоров, а также анализ их географии, содержания и результатов.

Ключевые слова: научные путешествия за границу, европейские исследовательские центры, Харьковский университет.

Заграничные поездки образовательного характера практиковались выходцами из украинских земель задолго до появления здесь университетов, однако до второй половины XVIII в. это были, прежде всего, путешествия молодых состоятельных дворян, стремившихся расширить свой кругозор. Только с формированием в Российской империи университетской системы поездки «в чужие края» с научной целью приобрели иное значение: для молодых ученых они стали важной ступенью в подготовке к профессорскому званию, для профессоров – необходимым элементом эффективной научной и преподавательской деятельности.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс становления практики заграничных научных «стажировок» в Харьковском университете с момента его открытия до 1848 г., когда активное взаимодействие российской и европейской науки было приостановлено. Это, в свою очередь, предполагает исследование механизмов организации заграничных командировок, анализ их географии, содержания и результатов.

Следует отметить, что такого рода путешествия российских студентов и профессуры, в особенности в Германию, продолжа-